

УДК 316.776.33:159.953

ББК 60.56

Р 86

Т.А. Рунаев,

*аспирант кафедры социологии Кубанского государственного университета,
г. Краснодар, тел.: +79528122516, e-mail: runaev.tima@mail.ru*

ВИРТУАЛЬНЫЕ КЛАДБИЩА КАК КОММЕМОРАТИВНЫЕ ПРАКТИКИ: РАЗНОВИДНОСТИ И ВЕКТОРЫ РАЗВИТИЯ

(Рецензирована)

Аннотация. Статья посвящена процессу воздействия цифровых технологий на практики поминовения, в результате которого возникает новое явление в социальной реальности: создание мемориалов и кладбищ в киберпространстве. Сегодня становится нормальным выносить тему смерти человека в виртуальный мир с целью производства коллективных воспоминаний и осуществления поминовения. Поэтому цель представленной статьи заключается в постановке проблемы развития коммеморативных практик в условиях современной цифровой среды. Используя материалы зарубежных исследований в рамках социологии культуры и опираясь на данные собственных наблюдений, автор определяет дискурс онлайн-коммемораций и показывает возможные разновидности мест поминовения в русскоязычном Интернете. Поскольку места памяти в виртуальном пространстве – недавний феномен для научных исследований, постольку автор демонстрирует возможности и методы его изучения в рамках социологии культуры. В ходе исследования автор выделяет три вида виртуальных кладбищ, каждое из которых имеет особенности поминовения в зависимости от индивидуальной дистанции онлайн-мемориала с реальным захоронением умершего. Критерием демаркации для автора выступает восприятие кладбища как знака, где «означающее» (надгробие, изображение) связано с «означаемым» (образом). Потеря позиции одного из элементов ведет к изменению коммеморации как социальной практики. Поэтому автор приходит к выводу: чем больше выражено описанное отдаление «означающего» (захоронения) от «означаемого» (образа усопшего), тем слабее становится интегративная функция коммеморативной практики. Несмотря на то, что онлайн-коммеморации имеют связь с подлинными практиками поминовения, цифровая среда придает им публичный характер и изменяет восприятие темы смерти в реальном обществе. Расширение смерти в публичном дискурсе приводит к вопросам конфиденциальности в киберпространстве и к социальной ответственности пользователей за осуществление коммеморативной практики. Тем самым социологическая проблематика исследования входит в поле этики и правоприменения, что обуславливает последующее изучение поставленной автором проблемы.

Ключевые слова: киберпространство, коммеморативные практики, меморизация, онлайн-мемориал, социальные интернет-сообщества, цифровая среда.

Т.А. Runaev,

*Post-graduate student of Department of Sociology, Kuban State University,
Krasnodar, ph.: +79528122516, e-mail: runaev.tima@mail.ru*

VIRTUAL CEMETERY AS A COMMEMORATIVE PRACTICE: VARIETIES AND DEVELOPMENT VECTORS

Abstract. The article is devoted to the process of the impact of digital technologies on remembrance practices, which results in a new phenomenon in social reality:

the creation of memorials and cemeteries in cyberspace. Today it becomes normal to bring the subject of human death into a virtual world for the purpose of producing collective memories and carrying out remembrance. Therefore, the purpose of this article is to pose the problem of the development of commemorative practices in the modern digital environment. Using the materials of foreign research within the framework of the sociology of culture and based on the data of his own observations, the author determines the discourse of online commemorations and shows possible varieties of places of remembrance in the Russian-language Internet. Since places of memory in virtual space are a recent phenomenon for scientific research, the author demonstrates the possibilities and methods of studying it within the framework of the sociology of culture. In the course of the study, the author identifies three types of virtual cemeteries, each of which has features of remembrance depending on the individual distance of the online memorial with the real burial of the deceased. The demarcation criterion for the author is the perception of the cemetery as a sign where the “signifier” (gravestone, image) is associated with the “signified” (image). Losing the position of one of the elements leads to a change in commemoration as a social practice. Therefore, the author concludes that the more pronounced the described separation of the “signifiers” (burials) from the “signified” (image of the deceased) is, the weaker the integrative function of the commemorative practice becomes. Although online commentaries have a connection to genuine practices of remembrance, the digital environment gives them a public character and alters the perception of the subject of death in real society. The expansion of death in public discourse leads to issues of privacy in cyberspace and to the social responsibility of users for the implementation of compositional practices. Thus, the sociological problem of the study falls within the field of ethics and law enforcement, which leads to a subsequent study of the problem posed by the author.

Keywords: cyberspace, commemorative practices, memorialization, online memorial, social internet communities, digital environment.

Для поддержания идентичности социальной группы индивиды используют коммеморации – регулярно повторяющиеся коллективные действия, воспроизводящие образы прошлого. Следовательно, коммеморации неразрывно связаны с социальными интеракциями, которые производят практики поминовения, так как содержание образов прошлого всегда обуславливаются социальной группой – людьми, которые окружают человека в течение прожитой жизни [1; 532]. Поскольку коммеморация является сугубо социальным фактом, постольку она помещается в сфере «сакрального» и позволяет человеку выйти за рамки индивидуального – «профанного» повседневного мира [2; 620]. Иначе говоря, коммеморативная практика – это коллективное действие, при осуществлении которого индивиды интегрируются в одну целостность, представленную в виде социальной

группы или сообщества. Единство же коллективного действия возможно лишь при наличии вектора, направленного на конкретный объект, образующий «место памяти» – материальный след прошлого, который несет в себе актуальную информацию для настоящего времени. Любое «место памяти» способно скреплять социальную группу только при условии наличия материальности, символичности, функциональности [3; 40]. Выпадение одного из элементов приводит к уничтожению «места памяти» и уменьшению значимости коммеморации как средства интеграции индивидов в виде социальной целостности. Поэтому, по нашему мнению, главная роль практики поминовения (вне зависимости от формы ее реализации) заключается в объединении членов социальной группы.

Одной из традиционных форм коммеморативных практик

выступает кладбище как пространство поминовения, где каждый человек способен, осуществляя поминовение, приобщиться к социальной группе. Но сегодня современные технологии активно включаются в работу с поминальной тематикой. Теперь люди снимают похороны на камеру мобильного телефона и выкладывают сделанные фотографии в цифровое пространство [4; 11], а личные аккаунты в социальных сетях могут вести активную деятельность среди живых пользователей и после смерти их владельца [5; 184]. Сегодня нам не обязательно нужно физическое присутствие на похоронах, потому что существует услуга трансляции прощания с умершим человеком через Интернет [6; 281]. Все это происходит потому, что на данный момент многофункциональная цифровая среда выступает пространством коммуникативного взаимодействия, где индивиды могут выполнять социальные практики, имеющие аналог в реальной жизни [7; 126]. Перенос дискурса смерти в киберпространство дает человеку простор для реализации мортальных практик в виртуальном мире. В итоге на поверхности цифровой среды возникают «виртуальные кладбища» – сайты массового упоминания умерших/погибших людей с целью онлайн-коммеморации. Поэтому цель данного исследования сводится к установлению изменений практик поминовения, которые проявились под воздействием современной цифровой среды. Иначе говоря, в рамках данного исследования важно понять состояние современного коммеморативного и морального дискурсов в условиях виртуального пространства как платформы для социальных взаимодействий.

Сразу следует оговориться, что понятие «виртуальные кладбища», несмотря на новшество для российского исследователя, имеет различные термины и в англоязычной литературе [8; 13]. Согласно нашему мнению, проблема здесь скрывается

не столько в теоретических прениях, сколько в малой разработанности эмпирических данных цифровых мемориальных мест в рамках социологии. Чтобы облегчить раскрытие понятия, неоднородность всего массива виртуальных кладбищ мной была классифицирована по критерию соотношения «означаемого» и «означающего» [9; 269-270]. Если рассматривать кладбище в качестве знака через призму семиологии, то «означаемым» является воспоминание об умершем человеке, а «означающим» – его реальные материальные останки, представленные в виде захоронения. Когда же цифровая среда вносит корректировки в соотношения между элементами этого знака, формируются разновидности виртуальных кладбищ.

Первый выделенный мной вид виртуальных кладбищ связан с ритуальными агентствами, которые внедряют новые технологии в процесс поминовения. Теперь можно связывать реальное место захоронения с виртуальным пространством благодаря QR-коду, который выступает гиперссылкой, то есть посредником между мирами [10]. Группа исследователей во главе с Б. Нансеном называет этот объект «живым надгробием», поскольку QR-код подключает пользователя к контенту, хранящемуся в Интернете [11; 115-116]. Например, ритуальный проект «Цифровое наследие» (<https://qrmemo.ru/>) создает таблички с QR-кодом, которые заказчик может поместить на памятник умершему. После чего любой человек через камеру смартфона с заранее установленным приложением способен считать код, который переведет цифровое устройство на «интерактивный мемориал» – персональную страницу покойного на сайте «Цифрового наследия». Следовательно, в Интернете создается совокупность «интерактивных мемориалов», связанных с захоронениями на реальных кладбищах. Таким образом, здесь «означающее», представленное

виртуальным траурным пространством, имеет четкую связь с референтом – реальным местом усопшего. Однако следует оговориться, что в российском пространстве, в отличие от западного общества, данный вид виртуальных кладбищ еще не получил широкого распространения.

Второй вид виртуального кладбища состоит из страниц социальных интернет-сайтов (SNS), через которые ранее исходила активность умерших пользователей в Интернете. Иными словами, описанные страницы – это места, которые прежде были закреплены живыми людьми в киберпространстве. В этом случае означаемый образ умершего находится в цифровой среде, но референтом становится уже не объект материального мира в виде захоронения, а страница мертвого человека в социальной интернет-сети. Тем самым, наиболее крупные SNS (например, Facebook, Instagram, «ВКонтакте», «Одноклассники») по своей сути начинают представлять собой виртуальные кладбища, так как страница мертвого человека способна на просторах социальной сети превратиться в онлайн-мемориал, где другие пользователи в силах совершать практики поминовения. Расширение процесса онлайн-меморизации заставляет администрацию SNS пересматривать модели взаимодействия с умершими пользователями. К примеру, Facebook разрешает отправлять администрации «запрос меморизации», после чего происходит блокировка аккаунта, и в учетную запись не могут зайти даже те люди, которые ранее знали пароль [12; 116].

Особенность русскоязычного сегмента SNS заключается в присутствии умерших в публичном пространстве и в тенденции поиска страниц мертвых людей с целью их демонстрирования в пабликах – открытых для пользователей сообществах социальной интернет-сети (например, vk.com/deadpagesvk, vk.com/deadpagealive,

vk.com/deadpagesvk). Участникам паблика администраторы предоставляют ссылки на страницы мертвых пользователей, после чего в комментариях происходит оценивание смертельного исхода: участники либо включают опцию поминовения, либо, наоборот, выражают агрессию по отношению к умершему. В сообществе «Дэд пейдж» (vk.com/ripmilk) объемом аудитории более 350 тыс. человек нами было выбрано семь публикаций о смерти пользователей социальной сети. Каждая выбранная публикация имела уникальную причину смерти с реакцией в 20-30 комментариев. По содержанию все комментарии представляли собой поминовение, агрессию и сторонний контент, не связанный с умершим пользователем (из-за отсутствия информативности этот вид не был включен в фокус внимания исследования). В итоге оказалось, что реакция в виде поминовения зависит от причины смерти (таблица 1): пользователи готовы выразить скорбь и сожаление в том случае, если покойный стал жертвой ситуации, если вина в гибели лежит на плечах другого человека. И, напротив, больше агрессии к умершему вызывает смерть, которая связана с волевым отклоняющимся поведением самого покойного. Тем самым смерть выступает здесь индикатором личности, при оценивании которой возможна градация социального действия по отношению к умершему.

Специфика SNS и таких виртуальных кладбищ заключается в том, что умерший человек и участник сообщества не имеют родственных или приятельских отношений друг с другом [13; 18], что приводит к десакрализации смерти. В крайнем случае, снятие со смерти ауры неприкосновенности выражается в возникновении коммерческой направленности онлайн-сообществ, поскольку наряду с публикациями «мертвых страниц» пользователи начинают появляться рекламные посты. Тем самым моральный

Таблица 1

**Реакция пользователей на причины смерти
(в % от общего числа комментариев по каждой причине)**

Причина смерти	Поминавание	Агрессия
ДТП в состоянии алкогольного опьянения (водитель)	0%	56%
суицид	9,1%	40,9%
падение из окна в состоянии алкогольного опьянения	9,5%	33,3%
передозировка наркотиков	9,6%	40%
жертва ДТП (пешеход)	17%	8,7%
убийство	50%	0%
гибель при спасении утопающих	52%	0%

дискурс входит в публичную сферу и становится открытым объектом коммуникации для каждого человека. В итоге аккаунты мертвых пользователей, находящиеся в открытом доступе, могут вызывать негативную реакцию в связи с раскрытой информацией о причинах смерти. Более того, отрицательные отзывы об умершем могут гипертрофироваться в «троллинг» – провокационные комментарии оскорбительного характера. Эскалация негативного фона сообщений об умершем пользователе может привести к болезненным реакциям со стороны близких людей, поэтому возникает потребность в экспертном модерировании комментариев, связанных с темой поминавания [14; 400-401]. Эта проблема поднимает вопрос о постсмертной конфиденциальности: кому принадлежат неэкономические цифровые активы (фотографии, личные сообщения, публикации) умершего пользователя – наследникам или цифровым посредникам в виде SNS [15; 104-106]? И соответственно, кто ответственен за использование активов «мертвых страниц» в публичной цифровой среде?

Третий вариант виртуального кладбища представляет собой мемориальное место, не имеющее отношения к ритуальным агентствам и реальным страницам покойных людей. Такие виртуальные кладбища – это сайты, построенные по

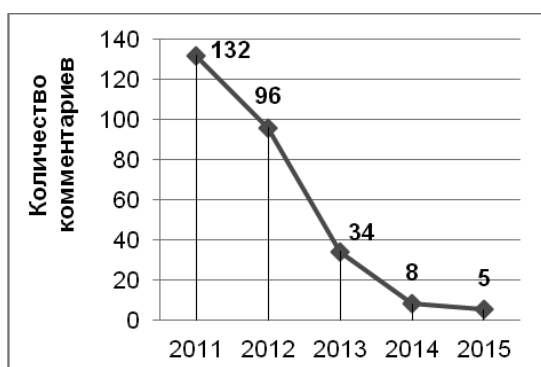
принципу социальных интернет-сетей, где пользователи имеют возможность создавать онлайн-мемориалы, посвященные умершим. К обозначенному виду виртуального кладбища в рамках российского Интернета можно отнести сайты «Вечно с нами» (<http://vechnosnami.ru/>), «ПомниПро» (<http://pomnipro.ru/>), «Российское виртуальное кладбище» (<https://rip.su/>). В пространстве данных онлайн-мемориалов, как и на обычном кладбище, люди осуществляют поминальные практики: оставляют памятные комментарии, отправляют картинки с религиозным содержанием и дарят подарки в виде миниатюрных изображений. Метод социологического анализа таких виртуальных кладбищ предложили австралийские исследователи К. Грэхем, М. Арнольд, Т. Кон. В частности, они стали определять частоту поминальных комментариев в онлайн-мемориалах, посвященных конкретным людям, и выявили общую тенденцию: комментарии, содержащие соболезнование и скорбь, активно создавались лишь в течение года после смерти человека [16; 42].

В ходе проведения исследования также была выявлена частота обращений к онлайн-мемориалам на сайте «Вечно с нами». Например, на странице памяти, посвященной Доминой Сонечке, умершей в двухлетнем возрасте 17 мая 2011 г., с октября 2011 г. (момента создания

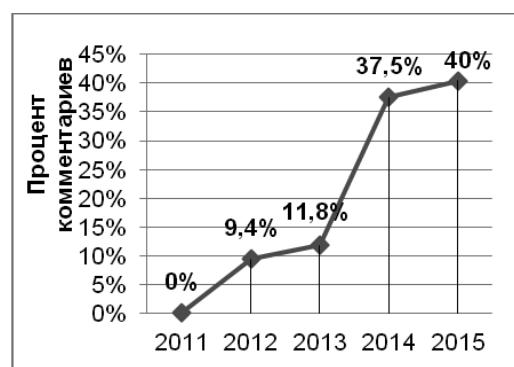
онлайн-мемориала) по август 2015 г. было зафиксировано 275 комментариев. Если разбить все написанные комментарии на годичную периодичность, то видно снижение частотности обращений пользователей к этому мемориалу (рис. 1). Иначе говоря, активность практик поминовения в виртуальном кладбище находится на пике лишь в течение года после смерти. Однако при падении количества обращений к мемориалу увеличивается процент комментариев, написанных в юбилейную дату, то есть в дни рождения и смерти (рис. 2). Например, в онлайн-мемориале Доминой Сонечки в 2012 г. только 9,4% комментариев были оставлены в коммеморативную годовщину, в то время как в 2015 г. доля аналогичных постов составила 40% из всех сообщений. В других пяти онлайн-мемориалах (с количеством комментариев в диапазоне от 11 до 29) было замечено увеличение процента поминальных сообщений в исключительно юбилейные даты. Следовательно, при сужении объема поминальных практик в онлайн-мемориале постепенно важность приобретают только мемориальные обращения к умершему человеку в дни рождения или смерти.

Проблема в том, что мемориалы в таком виртуальном кладбище никаким образом не связаны с присутствием в них покойных людей. Эти страницы памяти не отсылают к референту в реальном мире,

представленному местом захоронения. Также онлайн-мемориалы не являются виртуальным пространством, где раньше действовали умершие в качестве пользователей сети. Следовательно, в таком виде виртуального кладбища разрывается связь «означаемого» и «означающего»: остаются только образы без материального референта, что образует симулякр – копию, подменяющую оригинал. Оторванность места в киберпространстве от реального надгробия и от волевого присутствия умершего пользователя в Интернете обуславливает возникновение «липовых онлайн-мемориалов». Люди начинают создавать виртуальные памятники тех персон, которые не проявляли активности в цифровой среде: например, третьи лица регистрируют онлайн-мемориалы Юрия Никулина (<http://vechnosnami.ru/1278.html>), Юрия Гагарина (<http://vechnosnami.ru/6213.html>), Тура Хейердала (<http://vechnosnami.ru/6638.html>) и др. Однако, несмотря на то, что виртуальный памятник не имеет реальной подлинности, пользователи продолжают совершать коммеморативные практики, поскольку в онлайн-мемориале для них заключена «экзистенциальная аутентичность», для которой маловажно наличие реального референта. Она включает в себя два измерения: внутриличностную и межличностную достоверность [17; 361], где в первом случае субъект

Рис. 1. Частота комментариев на странице памяти Доминой Сонечки

Рис. 2. Доля комментариев на странице памяти Доминой Сонечки, оставленных в дни годовщины

коммеморации восстанавливает свою идентичность путем восполнения утраченной социальной роли при потере другого человека [18; 48], а во втором – люди, фокусируясь на теме смерти, образуют солидарное сообщество скорбящих [19; 319].

В итоге видно, что при включении цифровых технологий в поминальную сферу «означающее» как воспоминание остается константным, но «означающее», представленное местом захоронения, подвергается изменениям. В первом виде виртуальных кладбищ, благодаря посредничеству цифровых медиа, реальное место захоронения напрямую связано с сайтом в киберпространстве, что образует целостную корреляцию «означаемого» и «означающего» в виде знака. Но уже во втором варианте виртуальных кладбищ происходит подмена «означающего», которым теперь выступает не каменное надгробие, а место присутствия человека при жизни в социальных интернет-сетях – след его деятельности, оставленный в ходе жизни. В третьем же виде виртуальных кладбищ «означающее» вовсе становится утерянным, так

как в нем отсутствует связь с материальным захоронением человека или активностью умершего пользователя на просторах Интернета. Таким образом, в условиях современных цифровых технологий коммеморативная практика при переходе от первого вида виртуальных кладбищ к третьему утрачивает интегративную функцию, поскольку саморазрушается «место памяти», теряющее материальность как часть своего понятия.

Общая особенность последних двух видов заключается в том, что они вводят тему смерти в публичное пространство. Согласно Т. Уолтеру, такая открытость смертельной тематики в современном обществе связана с публичным заявлением о том, что смерть существует и выходит за границы личного поминовения [20; 198]. Однако деиндивидуализация смерти в онлайн-пространстве приводит к отклоняющимся формам поведения по отношению к умершим людям, что в контексте двух последних виртуальных кладбищ ставит вопрос о правомерности использования неэкономических цифровых активов третьими лицами.

Примечания:

1. Шацкий Е. История социологической мысли. Т. 1. Москва: Новое литературное обозрение, 2018. 720 с.
2. Дюркгейм Э. Элементарные формы религиозной жизни: тотемическая система в Австралии. Москва, 2018. 736 с.
3. Нора П. Франция-память. Санкт-Петербург: Изд-во Санкт-Петербург. ун-та, 1999. 323 с.
4. Интервью с Джеком Сантино, автором книг *Spontaneous Shrines and the Public Memorializations of Death* // Археология русской смерти. 2016. № 3. С. 7-18.
5. Church S.H. Digital gravescapes: Digital memorializing on Facebook // *The Information Society*. 2013. Vol. 29, №. 3. P. 184-189.
6. Does the internet change how we die and mourn? Overview and analysis / T. Walter [et al.] // *OMEGA-Journal of Death and Dying*. 2012. Vol. 64, №. 4. P. 275-302.
7. *Mobile Communication and Society: A Global Perspective* / M. Castells, M. Fernandez-Ardevol, J.L. Qui, A. Sey. Cambridge; Massachusetts; London. 2006. 345 p.
8. Малаканова О.А., Табеева Ю.А. Феномен виртуальных кладбищ // *Экономика и социология*. 2017. № 3 (35). С. 10-14.
9. Барт Р. Мифологии. Москва: Академический проект, 2008. 351 с.
10. Kneese T. QR Codes for the Dead // *The Atlantic*. 2014. URL: <https://www.theatlantic.com/technology/archive/2014/05/qr-codes-for-the-dead/370901/> (дата обращения: 15.06.2019).

11. The restless dead in the digital cemetery / B. Nansen [et al.] // *Digital death: Mortality and beyond in the online age*. 2014. P. 111-124.
12. McCallig D. Facebook after death: an evolving policy in a social network // *International Journal of Law and Information Technology*. 2014. Vol. 22, №. 2. P. 107-140.
13. Rossetto K. R., Lannutti P. J., Strauman E. C. Death on Facebook: Examining the roles of social media communication for the bereaved // *Personal Relationships*. 2014. Vol. 1. P. 1-21.
14. Design Considerations for After Death: Comparing the Affordances of Three Online Platforms / J. Mori, M. Gibbs, M. Arnold, B. Nansen, T. Kohn // *Proceedings of the 24th Australian Computer-Human Interaction Conference (OZCHI'12)*. 2012. P. 395-404.
15. Edwards L., Harbinja E. Protecting post-mortem privacy: reconsidering the privacy interests of the deceased in a digital world // *Cardozo Arts and Entertainment Law Journal*. 2013. Vol. 32, №. 1. P. 101-147.
16. Gravesites and websites: a comparison of memorialisation / C. Graham [et al.] // *Visual Studies*. 2015. Vol. 30, №. 1. P. 37-53.
17. Wang N. Rethinking authenticity in tourism experience // *Annals of tourism research*. 1999. Vol. 26, No. 2. P. 349-370.
18. Лакан Ж. Семинары. Тревога. Книга 10. Москва: Гнозис: Логос, 2010. 424 с.
19. Ушакин С. Вместо утраты: материализация памяти и герменевтика боли в провинциальной России // *AB IMPERIO*. Москва: Новое литературное обозрение, 2009. С. 306-435.
20. Walter T. *The Revival of Death*. London; New-York, 1994. 228 p.

References:

1. Shatsky E. *History of sociological thought*. Vol. 1. M.: New Literary Review, 2018. 720 pp.
2. Durkheim E. *The elementary forms of the religious life: the totemic system in Australia*. M., 2018. 736 pp.
3. Nora P. *France-memory*. SPb.: Publishing house of St. Petersburg University, 1999. 323 pp.
4. Interview with Jack Santino, author of the book *Spontaneous Shrines and the Public Memorializations of Death* // *Archeology of Russian Death*. 2016. No. 3. P. 7-18.
5. Church S.H. *Digital gravescapes: Digital memorializing on Facebook* // *The Information Society*. 2013. Vol. 29, No. 3. P. 184-189.
6. Walter T. et al. Does the internet change how we die and mourn? Overview and analysis // *OMEGA-Journal of Death and Dying*. 2012. Vol. 64, No. 4. P. 275-302.
7. Castells M., Fernandez-Ardevol M., Qui J.L., Sey A. *Mobile Communication and Society: A Global Perspective*. Cambridge, Massachusetts, London. 2006. 345 pp.
8. Malakanova O.A, Tabeeva Yu.A. The phenomenon of virtual cemeteries // *Economics and Sociology*. 2017. No. 3 (35). P. 10-14.
9. Bart R. *Mythology*. M.: Academic project, 2008. 351 pp.
10. Kneese T. QR Codes for the Dead [electronic resource] // *The Atlantic*. 2014. URL: <https://www.theatlantic.com/technology/archive/2014/05/qr-codes-for-the-dead/370901/> (access date: 15.06.2019).
11. Nansen B. et al. The restless dead in the digital cemetery // *Digital death: Mortality and beyond in the online age*. 2014. P. 111-124.
12. McCallig D. Facebook after death: an evolving policy in a social network // *International Journal of Law and Information Technology*. 2014. Vol. 22, No. 2. P. 107-140.
13. Rossetto K. R., Lannutti P. J., Strauman E. C. Death on Facebook: Examining the roles of social media communication for the bereaved // *Personal Relationships*. 2014. Vol. 1. P. 1-21.
14. Mori J. Design Considerations for After Death: Comparing the Affordances of Three Online Platforms / J. Mori, M. Gibbs, M. Arnold, B. Nansen, T. Kohn

// Proceedings of the 24th Australian Computer-Human Interaction Conference. (OZCHI'12). P. 395-404.

15. Edwards L., Harbinja E. Protecting post-mortem privacy: reconsidering the privacy interests of the deceased in a digital world // *Cardozo Arts and Entertainment Law Journal*. 2013. Vol. 32, No. 1. P. 101-147.

16. Graham C. et al. Gravesites and websites: a comparison of memorialisation // *Visual Studies*. 2015. Vol. 30, No. 1. P. 37-53.

17. Wang N. Rethinking authenticity in tourism experience // *Annals of tourism research*. 1999. Vol. 26, No. 2. P. 349-370.

18. Lacan J. *Seminars. Anxiety*. Book 10. M.: Gnosis Publishing house; Logos Publishing house. 2010. 424 pp.

19. Ushakin S. Replacing loss: Materialization of memory and the hermeneutics of pain in provincial Russia // *Trauma: items: Collection of articles*. M.: New Literary Review, 2009. P. 306-435.

20. Walter T. *The Revival of Death*. London; New-York, 1994. 228 pp.